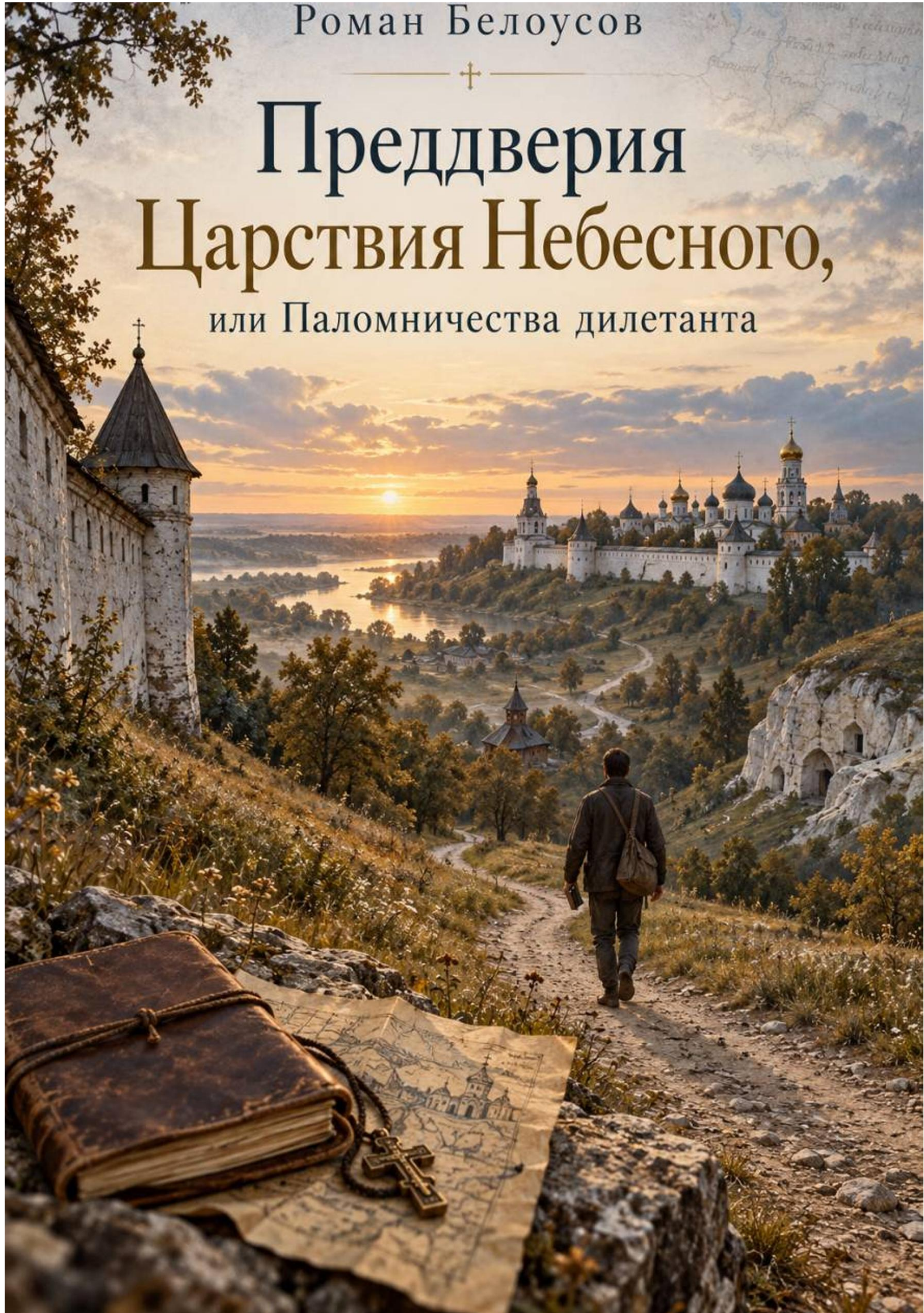

Роман Белоусов

Преддверия Царствия Небесного, или Паломничества дилетанта

Роман Белоусов

**Преддверия Царствия Небесного,
или Паломничества дилетанта**

«Автор»

2026

Белоусов Р.

Преддверия Царствия Небесного, или Паломничества дилетанта /
Р. Белоусов — «Автор», 2026

Цикл путевых очерков о паломнических путешествиях по «святым местам» России. Автор делится личными впечатлениями от посещения важнейших православных монастырей и храмов, сочетая исторические факты с живыми наблюдениями и размышлениями.

© Белоусов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Совсем короткое предисловие	5
Паломничество первое. Преддверия Царствия Небесного	6
Покровский женский монастырь. «В гостях» у старицы Матроны	7
Донской монастырь. Мемориал ушедшей России	8
Свято-Данилов монастырь. Обитель Патриарха	10
Новоспаский монастырь. Последнее пристанище Романовых	12
Храм Христа Спасителя. Главный собор России	13
Храм преподобного Сергия Радонежского в Крапивниках. Кийский крест	14
Покровский Хотьков женский монастырь. У родителей Сергия Радонежского	16
Троице-Сергиева Лавра. Свидетельница семи веков	17
Паломничество второе. Монастырь на Кавказе	20
Паломничество третье. Предания поволжских степей	24
Наследие афонского странника	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Роман Белоусов

Преддверия Царствия Небесного, или Паломничества дилетанта

Совсем короткое предисловие

Больше всего на свете я люблю путешествовать. А в особенности – по местам, связанным с разного рода историческими событиями. Волнительно, знаете ли, постоять на том месте, где Сергей Радонежский благословлял Дмитрия Донского перед Куликовской битвой, или увидеть берег, на котором князь Игорь впервые встретил свою жену, будущую княгиню Ольгу. А где можно теснее прикоснуться к русской истории и ближе приобщиться к ушедшим в прошлое временам и событиям, чем в паломнических поездках по православным святым местам, где каждый камень дышит памятью об исторических бурях и превратностях?

Мои впечатления от таких поездок отливаются в небольшие полурепортажи-полуочерки, которые я, будучи по профессии журналистом, публикую в различных газетах и на сетевых ресурсах. Ну а поскольку я всё же являюсь, во-первых – мирянином, а во-вторых – дилетантом по части исторической науки, то иногда привожу из паломничеств не только новые впечатления и познания, но также загадки и вопросы. Разобраться в которых мне помогает мой друг, священник и одновременно дипломированный историк, Дмитрий Климов.

Паломничество первое. Преддверия Царствия Небесного

Ехать из Волгограда в Москву в автобусе – занятие, как всем известно, не очень комфортное. Но паломники по святым местам и должны испытывать определённые неудобства и лишения, иначе это будет уже увеселительная экскурсия, а не паломничество. Ещё сам Спаситель говорил, что путь, ведущий в Царствие Небесное, узок и тернист.

Московские монастыри, в которые мы направлялись – конечно, ещё не Царствие Небесное, но его земными преддвериями их можно назвать вполне. И путь к святыням для нашей группы волгоградских автопилигримов был, соответственно, непрост.

Покровский женский монастырь. «В гостях» у старицы Матроны

Первым пунктом в нашей паломнической программе значилось посещение Покровского ставропигиального женского монастыря, знаменитого тем, что в нём покоятся мощи блаженной старицы Матроны Московской – одной из самых известных православных святых, сотворившей, согласно житию, за свою жизнь великое множество чудес и продолжающей творить их после смерти. Несмотря на то что общецерковная канонизация Матроны состоялась только в 2004 году (до того она была лишь местночтимой московской святой), её слава и популярность в народной среде затмевает многих святых давно общепризнанных и официально более значимых. Наверное, нет в России человека, который бы не слышал это имя. К Матронушке, как её обычно ласково-уменьшительно называют, приезжают поклониться и попросить о чуде десятки тысяч человек со всей России и даже из-за рубежа. Наверное, никакой другой российский монастырь не привлекает такого количества паломников. И в этом нам пришлось убедиться на собственном нелёгком опыте.

Когда наш автобус в шесть часов утра подъехал к стенам монастыря, где хранятся мощи народной святой, я, по неопытности и простоте душевной, думал, что мы будем если не самыми первыми, то хотя бы в числе таковых. Но оказалось, что у монастырских ворот уже змеится, подобно новогоднему серпантину, очередь, в которой стояла не одна сотня человек. С вечера, что ли, они начинали занимать места? Над головами тут и там возвышались таблички с названиями городов – «Липецк», «Старая Русса», «Иваново», по которым можно было угадать наших собратьев-пилигримов, опередивших, пользуясь своей близостью к Москве, конкурентов из Волгограда. Подавляющее большинство в очереди составляли женщины. Наверное, почти в такой же пропорции, как в составе нашей группы (а у нас это соотношение составляло одиннадцать представительниц прекрасного пола к трём мужчинам, включая водителя).

Уже спустя несколько минут я понял, какую страшную и непоправимую ошибку совершил, недооценив коварство апрельской московской погоды и надев в поездку лёгкие весенние туфли на тонкой подошве. Попереминавшись с ноги на ногу на заиндевевшем асфальте ещё немного и почувствовав, как коченеют и теряют чувствительность от холода пальцы ног, я малодушно бежал в автобус, отогреваться.

Около цветочного ларька через дорогу от входа в монастырь царил непрекращающийся ажиотаж. Впоследствии гид нашей группы, Светлана, объяснила, что существует обычай приносить Матроне цветы, причём обязательно нечётное количество, потому что она завещала, чтобы к ней приходили как к живой. Правда, цветы она любила полевые, но где же взять полевые цветы в Москве, да ещё в такое время года.

Погревшись часок в автобусе, я созрел, наконец, для второй вылазки, и отправился на поиски своих сотоварищей. Долго высматривал их в бесконечной очереди, и, наконец, отыскал, благодаря приметному ориентиру – большой табличке липецкой группы, которая, как я запомнил, стояла немного впереди.

Но пока мы попали в храм, я успел продрогнуть пуще прежнего. Надеюсь, что при распределении чудес на небесах мне зачтётся такое исповедничество. Впрочем, тот факт, что я не простыл после такого стояния, уже сам по себе является великим чудом.

В общей сложности с того момента как наша группа заняла очередь до того, как, приложившись к раке с мощами Матроны, все вышли обратно, прошло два с половиной часа. И это по здешним меркам считается большим везением – обычно стоят намного дольше. Сильны и неистребимы у нашего народа желание Чуда и вера в него.

Донской монастырь. Мемориал ушедшей России

Всё же настоящие древние иконы, как правило, трудно спутать с «новоделами». Как бы искусно ни имитировали современные художники «старину», они, может быть за редкими исключениями, всё равно не в силах передать что-то такое, что отличает работы мастеров прошлых веков, какой-то неуловимый дух прошедших времён. Вот этим величественным духом буквально пропитано убранство Большого собора Донского монастыря, с его огромным, уходящим под высокий купол, иконостасом XVII века.

В отличие от многолюдного и суетливого Покровского монастыря, здесь царят благостная тишина и спокойствие, располагающие к мыслям о вечном. А к священным реликвиям можно подойти без особых очередей. Их здесь две – рака с мощами патриарха Тихона и список Донской иконы Божией Матери (подлинник находится в Третьяковской галерее), той самой, которой, по преданию, Сергей Радонежский благословлял Дмитрия Донского перед Куликовской битвой. И с которой в конце XVI века и началась история монастыря.

Он был основан в 1593 году, после отражения нападения на Москву орды крымского хана Газы II Гирея. Орда настолько превосходила защитников города числом и силой, что её отступление почли за чудо, и воздвигли по случаю такого события на месте рубежа обороны русских войск монастырь, назвав его Донским – в честь знаменитой иконы, к которой оборонявшиеся взывали в своей походной церкви.

Помимо своего прямого предназначения Донской монастырь являлся крепостью, охраняющей рубежи Москвы (это сейчас он находится чуть ли не в её центре, а в те времена столица была далеко не так велика). Об этом красноречиво свидетельствуют его высокие и широкие стены снабжённые бойницами, с мощными башнями по периметру.

Донской монастырь знаменит, кроме всего прочего, своим некрополем. Здесь издавна хоронили представителей самых известных дворянских и купеческих родов. По фамилиям на надгробных плитах и памятниках можно изучать историю дореволюционной России. Нарышкин, Одоевский, Сумароков, Майков, Чаадаев, Пушкин (правда не тот самый, а его дядя), Ключевский, Жуковский, Херасков... Упокоиться на монастырской земле могли позволить себе только очень небедные или значительные люди. Достаточно сказать, что в те времена, когда фунт хлеба стоил 15 копеек, а средняя лошадь – 7 рублей, место на этом кладбище оценивалось в 3 тысячи.

Нагромождение памятников, крестов и надгробий создаёт мрачновато-торжественную, «готичную» атмосферу. Подобные картины любят помещать на обложки своих альбомов группы, играющие эмбиент или блэк-метал.

В советские времена некрополь пришёл в запустение, но сейчас он благополучно восстановлен. И на его территории даже появились новые захоронения. Уже в этом веке здесь нашли последнее упокоение останки генералов Антона Деникина и Владимира Каппеля, философа Ивана Ильина, а также нобелевского лауреата Александра Солженицына.

В нише одной из стен, к которым примыкает некрополь, стоит удивительная статуя Христа с полуприкрытыми и обращёнными вниз глазами. Но если подойти к ней поближе, то в какой-то момент оказывается, что глаза статуи уже открыты и смотрят на подходящего в упор. Я несколько раз отходил от скульптуры и приближался к ней снова, но конкретной точки, где происходит это преобразование, так и не уловил.

Послереволюционный период истории Донского монастыря неразрывно связан с именем патриарха Тихона. Здесь он провёл в заточении последние годы своей жизни, после того как вошёл в непримиримый конфликт с новой властью. Я ходил по двум маленьким комнаткам, где теперь находится его мемориальный музей и задавался вопросом: а вот, например, я смог бы прожить почти три года, не видя практически ничего кроме этих стен и маленького пятка

на монастырской стене, куда патриарха выводили раз в сутки на короткие прогулки? Наверное, быстро бы заскучал и пошёл на все возможные компромиссы с Лениным и Троцким. Как сказал поэт, «богатыри – не мы».

Интересную, почти детективную историю обретения мошей патриарха Тихона, скрытых после его смерти от поругания в монастырских подземельях, можно прочесть в напумевшей в своё время книге его тёзки, архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые».

В 1927 году монастырь превратился в свою противоположность – антирелигиозный центр. По этому случаю даже планировалось полностью уничтожить некрополь, но к счастью, к тому времени профессиональных богоборцев уже успели сменить люди искусства – в 1934 году здесь был открыт музей Академии архитектуры СССР.

В наследство от этого музея монастырю достались горельефы, снятые с взорванного Храма Христа Спасителя – они сейчас расставлены вдоль одной из монастырских стен. На мой лично взгляд, эти скульптуры значительно превосходят своих современных преемников работы Церетели.

После экскурсии по Донскому монастырю, пообедав в трапезной, мы отправились в ещё один московский монастырь – Свято-Данилов.

Свято-Данилов монастырь. Обитель Патриарха

Данилов монастырь, как и посещённые нами ранее Покровский и Донской, тоже является ставропигиальным. Это прилагательное означает особый статус монастыря, в силу его значимости. Особенность ставропигиальных монастырей в том, что ими управляет сам Патриарх, напрямую, минуя церковную епархиальную «вертикаль» (не лично, разумеется, а посредством наместников). Таковых в Русской Православной Церкви всего тридцать – пятнадцать мужских и пятнадцать женских. А в Свято-Даниловом, к тому же, находится патриаршая резиденция.

Этот монастырь существует с 1282 года и считается старейшим из московских монастырей. Его история начиналась с малого – с деревянной церквушки, построенной московским князем Даниилом, сыном Александра Невского, в честь своего небесного покровителя. Но затем на этом месте выросла и окрепла настоящая обитель. И уже двадцать лет спустя в ней была учреждена самая первая в Московском княжестве архимандрития.

Но потом, при княжении наследника Даниила, Ивана Калиты, Данилов монастырь был на длительное время заброшен – собиратель русских земель любил, чтобы всё было под рукой, и дабы не ездить на богомолья за пять вёрст, переселил братию прямо в Кремль, в основанный им специально для этой цели Спасский монастырь. А Свято-Данилова обитель возродилась только при Иване Грозном, в 1555 году.

Судьба возрождённому монастырю выпала непростая и «боевая». Он находился в самом водовороте событий Смутного времени, сильно пострадал во время Отечественной войны 1812 года, а в начале 30-х годов прошлого века его постигло второе запустение, но на сей раз не полное – в стенах обители был размещён детский изолятор НКВД. Сначала – для детей репрессированных, затем – просто для беспризорников и малолетних преступников. Это мрачное заведение находилось здесь до 1983 года, когда Свято-Данилов монастырь был передан обратно Церкви и отпраздновал своё третье рождение.

Кстати, реставрация монастыря в 80-х годах прошлого века неожиданно удлинила в глубь веков историю московской земли. Во время восстановительных работ здесь были обнаружены остатки самого древнего на сегодняшний момент (приблизительно IX—X веков) поселения славян на территории современной Москвы.

Сегодня Данилов монастырь можно, без преувеличения, назвать средоточием церковной жизни. На его территории, как уже упоминалось, находятся резиденция Патриарха Всея Руси – строгое такое приземистое здание с ликом Христа на фасаде, а также Отдел внешних церковных сношений. Здесь же проводятся заседания Священного Синода и Архиерейские соборы РПЦ.

Кстати, патриаршая резиденция находится на том месте, где когда-то располагался монастырский некрополь, которому повезло значительно меньше, чем некрополю Донского монастыря – в годы советской власти он был полностью уничтожен. А когда-то здесь покоился сам Николай Васильевич Гоголь. Но в 1931 году прах великого писателя, наряду с останками Н. Г. Рубинштейна, В. Г. Перова, С. М. Третьякова (того самого, чьим именем названа Третьяковская галерея) и ряда других известных личностей, был перенесён на другое кладбище. А остальные, менее значимые захоронения просто сравняли с землёй.

Ещё одной достопримечательностью Данилова монастыря, ничуть не менее знаменитой, чем его многочисленные исторические и религиозные реликвии, является церковный хор. После экскурсии мы всей группой отправились на литургию, и это была не просто церковная служба, это была целая опера! Наверное, не всякий спектакль в «Ла Скала» сравнится с таким богослужением. Трудно было поверить, что я слышу не студийную запись, а живых певчих, без всякой «фанеры».

Дослушать службу до конца не удалось, нас ждали к ужину в Донском монастыре. На обратном пути к автобусу я завернул в церковную лавку у монастырской стены, в которой висит икона Серафима Саровского, обладающая одним необыкновенным свойством. По словам нашего гида, у всех, кто, не зная какое решение принять в какой-либо двойственной ситуации и терзаясь муками выбора, прикладывался к этой иконе, все сомнения разрешались наилучшим образом в течение нескольких последующих дней. Не то чтобы им какой-то голос свыше или изнутри подсказывал или вещие сны снились, а само течение дальнейших событий снимало все вопросы и затруднения.

«Какая, однако, замечательная икона, – подумал я, услышав такое. – У меня вся жизнь последнее время – сплошной клубок сомнений и дилемм. Надо, пользуясь подвернувшимся случаем, разрубить их как гордиев узел, одним ударом».

Но разрешить сомнения и испытать на себе силу этой незаурядной иконы мне так и не довелось – тот угол лавки, где висит на стене чудодейственный образ, был уже, за поздним часом, ограждён натянутой верёвкой.

Перед «отбоем» я совершил небольшую прогулку по вечерним московским улицам, окунувшись в столичную суматоху, так контрастирующую с монастырским спокойствием. Улочка, берущая начало у стен монастыря, называется в его честь – Донская. На улице с таким же точно названием в родном городе прошло всё моё детство.

А ночевали мы с сопаломником Денисом и нашим водителем Алексеем в настоящей келье, которую отвели под мужскую половину монастырской паломнической гостиницы. У кельи были необыкновенно толстые, «крепостные» стены с грубо прорубленным сводчатым окном. Наверное, она за столетия повидала немало самых разных людей. А теперь в её историю попали и мы.

Спалось в келье замечательно – крепко и долго. Настолько долго, что я катастрофически проспал начало утренней службы. Но в конечном итоге всё же успел и посетить литургию, и ещё немного побродить по некрополю. Люблю такие места, в которых можно хоть ненадолго абстрагироваться от всепроникающей суеты.

В девять часов утра мы напоследок потрапезничали, попрощались с Донским монастырём, и поехали дальше. Нас ждали новые интересные места и святые реликвии.

Новоспасский монастырь. Последнее пристанище Романовых

Предтечей Новоспасского монастыря был просто Спасский, тот самый, который основал Иван Калита, переселив на территорию Кремля иноков монастыря Данилова. Но впоследствии очередному московскому князю, Ивану Третьему, показалось, что в Кремле стало тесновато, и в 1490 году он принял решение перенести монастырь сюда, на Васильевский стан на берегу Москвы-реки. И называться он стал, соответственно, Новоспасским.

Этот монастырь, наряду с Донским, Свято-Даниловым и Новодевичьим, в своё время являлся одним из основных опорных пунктов, охранявших подступы к Москве и являвшихся её защитниками от вражеских нашествий. Стены здесь такие же «крепостные», как и в Донском. А белокаменные шатровые башенки и «пряничные» купола а-ля «Святая Русь» создают густую атмосферу древности. Правда, немножко лубочную. Словно из фильма «Иван Васильевич меняет профессию». Не знаю уж, изначально они были такими или это стилизация, сделанная при реставрации монастырского архитектурного комплекса после выпавших на его долю в двадцатом веке испытаний.

После революции Новоспасскому монастырю не повезло ещё больше, чем другим его московским собратьям. Если в Донском монастыре располагался всего лишь центр антирелигиозного искусства, а в Даниловом – детский приёмник-распределитель, то в Новоспасском – настоящий чекистский концлагерь. А в одном из глухих монастырских дворики, за высокими и широкими стенами, приводились в исполнение смертные приговоры, которые в годы террора сыпались как из рога изобилия. Нам показали этот дворик из окна, с высоты второго этажа. На месте расстрелов сейчас стоит скромный строгий крест, в память об убиенных.

Но, по иронии судьбы, именно благодаря тому, что монастырь стал «гнездом» ВЧК-НКВД, в его бывшем соборном храме, приспособленном под архив, сохранился 25-метровый иконостас огромной исторической и художественной ценности. Он просто был заставлен стеллажами, на которых стояли папки с «делами», и вследствие этого избежал уничтожения.

Надо ли говорить, что Новоспасский монастырь – тоже ставропигиальный. А до революции он носил ещё и звание «царского» – здесь располагалась и располагается до сих пор родовая усыпальница рода Романовых, где покоятся представители многих поколений этой семьи, начиная с бояр XVI века и заканчивая Великим князем Сергеем Александровичем, убитым в 1905 году эсером Иваном Каляевым. *Sic transit gloria mundi* – вспомнил я древнюю крылатую фразу при виде рядов белых каменных саркофагов, вросших в пол склепа – того, что осталось от людей, когда-то управлявших судьбами Европы и всего мира.

Ещё одной широко известной достопримечательностью обители является икона Божией матери «Всецарица». Точнее, это список древней чудотворной иконы, хранящейся в Ватопедском монастыре на Афоне, подаренный Новоспасскому монастырю греческими монахами, и тоже оказавшийся чудотворным. Золотая риза «Всецарицы», во всяком случае, значительная её часть, сделана из драгоценных украшений, пожертвованных в знак благодарности теми, кто прибегал к ней с разного рода просьбами и получил просимое. У иконы царит непрекращающееся оживление.

Храм Христа Спасителя. Главный собор России

Следующим номером программы у нас значился возрождённый в конце прошлого века Храм Христа Спасителя – самый «молодой» и «новодельный» из всех посещённых нами, но при этом официально являющийся главным храмом России. И самым «медийным». Про этот собор уже столько всего сказано, написано, нарисовано и снято, что нет никакого смысла останавливаться на нём подробно. Отмечу только подземную часть собора, прошедшую мимо моего внимания, когда я был здесь прошлый раз, пять лет назад.

Мы долго спускались в нижний храм по винтовой лестнице, аки первые христиане в катакомбы. Спасо-Преображенская церковь, которая находится там, в цокольном этаже, оказалась необыкновенно огромной по площади, и столь же необыкновенно красивой и величественной. Когда будете в Храме Христа Спасителя – не упустите эту важную деталь.

В главном российском соборе хранится множество православных и общехристианских реликвий. Самые значительные из них – частица Ризы Господней, частица Ризы Пресвятой Богородицы и гвоздь Креста Господня (длинный металлический конус неправильной формы с грубой шляпкой, размерами больше походящий на железнодорожный костыль, чем на обычный гвоздь). А также мощи и частицы мощей различных святых, включая таких как Иоанн Креститель, Андрей Первозванный, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, равноапостольный князь Владимир, Александр Невский, святитель Филарет... Не говоря уже о богатой коллекции известных и значимых в православной культуре икон.

Храм преподобного Сергия Радонежского в Крапивниках. Кийский крест

После Храма Христа Спасителя мы поехали к церкви преподобного Сергия Радонежского в Крапивниках, где находится ещё одна прославленная православная святыня – Кийский крест. Он получил своё наименование от острова Кий в Белом море, на котором патриарх Никон когда-то спасся от шторма, и в ознаменование сего события, кое посчитал чудом, в 1656 году воздвиг этот крест. На этом самом островке, в Онежском Крестном монастыре, он и находился до двадцатых годов прошлого века, потом оказался в запасниках московского Исторического музея, и уже оттуда в 1991 году переехал в Крапивники.

Кийский крест был сделан по заказу патриарха в Палестине, «в меру креста Христова», то есть полностью соответствующим формой и размерами кресту, найденному в 325 году в Иерусалиме императрицей Еленой. Размеры эти впечатляют – три на два метра.

– Как же такую громаду нёс на Голгофу Спаситель? – поражённо задалась вопросом одна из наших паломниц.

Вопрос был резонный – обычный человек, взвалив на плечи подобное сооружение, не то что не поднял бы его на холм, но, думается, свалился бы под такой тяжестью уже через несколько шагов.

Но знаменит Кийский крест, конечно, не размерами и пропорциями, а тем, что в нём в маленьких замурованных нишах помещено, наверное, рекордное количество христианских святынь и реликвий, в том числе частица аутентичного Креста, фрагмент Ризы Христовой, а также 108 частичек мощей различных святых и 16 камней с мест всевозможных библейских событий. В том числе камешек из стены пещеры, где Сатана искушал Иисуса, и даже осколок того самого камня, на котором Авраам угощал Святую Троицу. (Хотя в Ветхом Завете прямо не указано, что «мужи», посетившие патриарха были именно Троицей, но христианские богословы в один голос трактуют их именно так).

За время поездки я услышал немало необычного, но такая удивительная реликвия заинтриговала меня больше всего. Тем не менее, даже во всезнающем Интернете мне потом так и не удалось отыскать информации о том, как же был найден этот необыкновенный камень, и что самое главное – каким образом идентифицирован. Поэтому я обратился за разъяснениями к священнику, Дмитрию Климову.

– С одной стороны, конечно, во времена патриарха Никона не было серьёзных исторических методов, какие существуют сейчас, и посредством которых мы можем верифицировать хронологию тех или иных артефактов. Но, с другой стороны, не следует недооценивать значимость предания, – ответил Дмитрий. – То, что мы сейчас называем историей, основано на разного рода источниках – документах, предметах, археологических находках... А то, что люди называли историей раньше, когда ещё даже не было исторической науки как таковой – это предание, информация, передающаяся из уст в уста, из поколения в поколение. И это предание не нарушалось.

Все места, связанные с Авраамом, евреи начали почитать практически сразу после описанных в соответствующих главах Ветхого Завета событий. А Палестина – не такая уж большая территория, как наша Русь-матушка, чтобы нельзя было вспомнить, где жил Авраам. А если он жил в этом месте, то где-то вот здесь и стоял его шатёр, у которого он встретил Святую Троицу. А вот это дерево, наверное, и есть тот Мамврийский дуб...

Что же касается новозаветных мест, конечно, их массовое почитание началось со времён императора Константина и святой Елены, которые первыми начали заниматься цер-

ковной археологией. Но и задолго до того в Палестине были христианские общины и селились монахи, так что тоже существовало своё предание.

На горе Искушения, где происходило описанное в Евангелии искушение Христа, действительно есть пещера. Я был на этом месте. И с вершины горы на самом деле видно очень далеко. Пусть не «все царства мира», но, по крайней мере, три государства можно увидеть – Сирию, Иорданию, и собственно сам Израиль. Других подобных гор в этом месте нет, так что можно с достаточной долей уверенности предположить, что всё было именно здесь.

Разумеется, всё это часто условно и несколько приблизительно, как, например, пещера Гроба Господня, которая, конечно, является не той же самой пещерой, а просто находящейся примерно на том же месте. Но это ведь не мешает нам её почитать. Здесь можно провести параллель и с Новым Иерусалимом, созданным тем же патриархом Никоном. Очевидно же, что это не тот самый Иерусалим, что, однако, не препятствует нам видеть в нём прообраз места библейских событий, и никто не утверждает, что это «обман и надувательство».

Даже более того – мы называем Сионской горницей всякую церковь, где совершается литургия, прообраз Тайной вечери. И никто не скажет, что это фальсификация, понимая, что всё дело в том, где человек, говоря «днесь Тайная вечеря», ощущает себя духовно. Для нас она происходит здесь и сейчас, и мы являемся её сопричастниками.

Словом, такому собранию реликвий, какое заключено в одном Кийском кресте, мог бы позавидовать целый Храм Христа Спасителя. И тем удивительнее, что столь выдающийся реликварий оказался в этой маленькой, невзрачной церковке в тихом переулке, который наш водитель искал более получаса, петляя по центру Москвы, поскольку навигатор в окрестностях Кремля почему-то упорно отказывался работать.

После Крапивников наш путь лежал за пределы Москвы, в Хотьково и Сергиев Посад.

Покровский Хотьков женский монастырь. У родителей Сергия Радонежского

Как известно, преподобный Сергий Радонежский призывал всех паломников, которые направлялись в его Троицкий монастырь (ныне известный как Троице-Сергиева Лавра), знаменитый на Руси уже в те далёкие времена, сначала посетить другой – неподалёку, в городке Хотьково, чтобы почтить его родителей, Кирилла и Марию. В эту обитель они ушли вместе на склоне лет, здесь и закончился их жизненный путь. (В XIV веке ещё не было обязательного разделения монастырей по половому признаку. И только после Соборного определения 1504 года, запретившего служить мужчинам и женщинам в одном монастыре, Хотьковская обитель стала чисто женской).

«Специализация» преподобных Кирилла и Марии – семья и дети. Верующие прибегают к их мощам с просьбами о благословении «честного супружества и попечения о чадах доброго образа». Ведь эти святые сами произвели на свет и воспитали такого славного сына, каким является Сергий Радонежский, ставший одним из главных духовных светочей России и православия.

Монастырь в Хотьково, на мой взгляд, ничуть не уступает столичным собратям в красоте и величественности своих соборов. Глядя на них уже трудно поверить, что архитектурный ансамбль монастыря и его храмы восстанавливались практически «с нуля», после того как в их стенах побывали химический завод и сельхозтехникум, а до того, с 1919 года – детская колония. Традиция, что ли, такая была у новой власти – размещать в бывших монастырях пенитенциарные учреждения? Впрочем, в данном конкретном случае она оказалась неоригинальна – Хотьков монастырь стал исправительным заведением, куда помещали женщин, осужденных на «монашеское заключение», ещё раньше, с начала XIX века.

Хотьков монастырь тоже является ставропигиальным. К сожалению, времени для подробного знакомства с такой древней и славной обителью у нас не было, ибо из Сергиева Посада предупредили, что в случае опоздания мы рискуем остаться без ужина, а усугублять свой пост до такой подвижнической степени не хотелось никому. Так что члены нашей группы, зайдя на вечернее богослужение в Покровский собор монастыря, где находится рака с мощами преподобных Кирилла и Марии, выстроились гуськом, приложились и почти тут же отправились обратно, к своему автобусу.

Но, во всяком случае, завещание Сергия Радонежского мы выполнили.

Троице-Сергиева Лавра. Свидетельница семи веков

Несмотря на то, что пришлось немного поблуждать по Сергиевому Посаду в поисках нужной гостиницы, к ужину мы таки успели вовремя. А после трапезы отправились обживать отведённые нам апартаменты. Номера в паломнической гостинице нельзя было назвать роскошными – кровати двухъярусные, словно в казарме, а туалет и душевая на этаже.

Впрочем, многочисленные паломники едут в Сергиев Посад не за удобствами. Троице-Сергиева Лавра – один из самых важных и значительных центров православного мира, а также свидетельница и участница множества эпохальных и драматических событий прошлого. И всякий, побывавший здесь, тоже в какой-то степени приобщается к ним.

Каждая пядь этой земли буквально пропитана русской историей. Под каким-то из камней, по которым сейчас ходят паломники и туристы, находится то место, где в 1380 году стоял Дмитрий Донской, получая благословение от Сергия Радонежского накануне битвы с ханом Мамаем. В 1420-х годах в монастыре работал Андрей Рублёв, расписывая Троицкий храм, построенный сербскими монахами, нашедшими в обители прибежище после сражения на Косовом поле. В 1552 году Иван Грозный служил здесь молебен по случаю взятия Казани. В Смутное время монастырь выдержал почти полутораговую непрерывную осаду польских войск, а в 1689-м, во время борьбы за престол, в нём укрывался спасшийся бегством из Москвы молодой царь Пётр I...

Обустроившись в номере и с наслаждением полежав, вытянув ноги, на кровати, я решил всё же не терять зря времени и направился в Лавру, которая находилась совсем рядом с нашим пристанищем. Надо было лишь нырнуть в подземный переход рядом с входом в гостиницу и выйти с другой его стороны, почти у самых монастырских стен.

От этих стен и возвышающихся над ними куполов храмов исходит почти физически ощущаемая аура старины и величия. А когда сквозь длинный тоннель ворот попадаешь внутрь, то словно оказываешься в ином мире. Где-нибудь в затонувшем Китеже или на страницах древних былин. Впечатление немного портили только следы реставрационных работ да разбросанный там и сям строительный мусор. Лавра готовилась к торжествам по случаю празднования 700-летнего юбилея её основателя, Сергия Радонежского.

На следующее утро у нас с сопаломниками было запланировано причастие. А для этого требовалось накануне исповедоваться. Но, видно, враг рода человеческого сделал так, что к вечеру у меня разболелась голова, то ли от обилия впечатлений, то ли от общей усталости, а стоять в очереди на исповедь надо было не менее получаса.

Поскольку фармакологическую химию без самой крайней на то необходимости я не жалую, у меня для таких случаев имеется только одно, универсальное средство – рюмка коньяка. Которое в данных обстоятельствах было ещё более неприемлемым и неуместным. И я решил перенести исповедь на завтра. Но наутро, когда я, наконец, добрался до крипты, где проводится это действо, оказалось, что там идут уже только частные исповеди. А исповедоваться частным образом, минуя исповедь общую, то есть групповую, каковая уже прошла, батюшка меня не благословил. Так и остались грехи мои неисповеданными, а я сам – непричастным.

Зато я впервые в жизни увидел воочию «кровоточащую» икону. Правда не в Лавре, а в расположенном неподалёку храме Петра и Павла, куда её как раз в эти дни привезли из Украины. На церковной «доске объявлений» можно было прочитать следующее (сохраняю орфографию и пунктуацию оригинала): «О иконе «Казанская» (кровоточивой): В селе Орлиное под Севастополем в храме в честь преп. Сергия Радонежского, в день когда на Майдане начала проливаться кровь от снайперов, начали кровоточить 2 иконы – Иисуса Христа и Богородицы Казанская, прибавляя количество кровавых пятен и при этом благоухая. Настоятель храма дал

икону Казанской Божией Матери знакомой прибывающей у него в гостях – врачу из России из города Пересвет, чтобы помолились в России о сохранении мира между братскими народами и о мире в самой России и в каждой семье – малой церкви. Икона, прибыв в Россию, побывала в храмах Москвы, Пересвета, Александра, Бужаниново и теперь у нас в храме. Далее икона прибудет снова в Москву, а на Пасху отправится на Святую Землю в город Иерусалим».

Иконка на вид была самая обыкновенная, только густо покрытая пятнами кроваво-красного цвета.

– А почему вообще периодически то тут, то там появляются «кровоточащие» и «плачущие» иконы, и какова природа этих феноменов? Небесные ли это знамения, как считают некоторые, или же причины этих явлений всё-таки земные, как утверждают другие? – спросил я Дмитрия.

– Фальсифицировать «плачущие» и «кровоточащие» иконы, если речь идёт об этом, достаточно просто. Но дело в том, что сама Церковь больше всего заинтересована, чтобы таких фальсификаций не было. Поэтому существуют определённые правила верификации, то есть установления истинности чудес. И они не так уж сложны – когда где-то кто-то говорит о мироточениях или кровоточениях, собирается комиссия из опытных архиереев и духовников. Они опрашивают причастных, смотрят, не кликуши ли это или сумасшедшие, затем обследуют саму икону. А потом делают простую вещь – вытирают икону досуха, помещают в герметичный киот и опечатывают его. И только если мироточение после этого продолжается, тогда оно признаётся чудом.

Иногда ошибки случаются не по злому умыслу, а по чистому недоразумению. В вологодском Никитском храме, где я когда-то служил, на дверях алтаря была икона архангела Гавриила. И вот однажды захожу я в алтарь, смотрю – а с иконы стекает маленькая капелька. Я принялся – чувствую, она благоухает! Первая мысль была – замироточила! Какое великое событие для храма и прихода! А потом смотрю на пономаря, и до меня начинает доходить... Дело-то было после полиелея, когда помазывают лбы маслом, как правило, с добавлением благовоний. Подзываю пономаря, подвожу к иконе, смотрю – да, пятнышко аккурат на уровне его лба. То есть пономарь приложился после помазания к иконе, и стала она у нас «мироточащей». А вот если бы у меня оказалось побольше фантазии и поменьше здравого смысла, я побегал бы всем рассказывать, что в Никитском храме образа мироточат.

Ещё часто бывает, что бабульки-прихожанки, у которых руки трясутся, поправляют лампадки так, что масло летит в разные стороны, и на иконы, и на кресты. А потом, заметив капельку, говорят: «О, смотрите, чудо!» Поэтому надо изначально относиться к таким свидетельствам с определённым скепсисом. Нельзя отрицать, что мироточащие и кровоточащие иконы существуют, но принимать эти явления как факт следует только после определённой процедуры и расследования.

Если установлено доподлинно, что икона кровоточит – то, конечно, это знамение нехорошее, говорящее о кровопролитии. И Господь со Своей Матерью об этом плачут. Потому что если брат убивает брата, то он этим Бога убивает. Если вы стреляете в человека, вы и в Бога стреляете. Если матери убивают абортами своих младенцев – вот вам кровоточащий образ Богородицы, осквернённый кровью этих убитых детей. Это очень поучительные и педагогические по своей сути явления, если их правильно трактовать, а не видеть в них магию или способ наживы от паломников.

Добираясь до церкви, где выставилась «кровоточащая» икона и обратно, мы со спутниками были неоднократно «атакованы» обретающимися в больших количествах подле Лавры нищими, некоторые из которых более походили не на добрых христарадников, а на обитателей

притонов. Меня неприятно поразила их манера по-цыгански настойчиво кланяться и чуть ли не вымогать подаяние.

А напоследок, благодаря «наводке» моей московской знакомой, мы с Денисом отыскивали смотровую площадку, откуда открывается поразительной красоты вид на Лавру. Поначалу думали, что для того чтобы туда попасть надо будет подниматься куда-то далеко в гору, но оказалось, что это совсем рядом – буквально через дорогу от нашей гостиницы. Именно с этой площадки сделаны почти все изображения Троице-Сергиевой Лавры, растиражированные в миллионах экземпляров на многообразной сувенирной продукции и туристических путеводителях. Если бы ещё не злополучные строительные леса...

Выполнив программу-максимум, наша команда пилигримов уже в 16 часов выехала домой, чтобы поспеть в Волгоград к раннему утру. Всех нас ждало начало новой рабочей недели.

апрель 2014

Паломничество второе. Монастырь на Кавказе

Далеко всё-таки продвинулся прогресс – в прошедшие века паломники добирались до святых мест целыми месяцами, а мне вот потребовалось всего 12 часов, чтобы доехать из родного Калача-на-Дону до Свято-Михайло-Афонского монастыря в Адыгее. Это учитывая задержку, приключившуюся в дороге из-за небольшой поломки нашего паломнического микроавтобуса. По случаю этой поломки мы прибыли в монастырь вместо запланированных шести утра в начале восьмого, и оттого попали сразу «с корабля на бал», сиречь на утреннюю службу.

По завершении богослужения мы отправились в монастырскую трапезную. Это немного мрачноватое помещение со стенами из грубо отёсанного камня, нависающими сводами и витражом в маленьком окошке, значительно больше напоминает декорации к фильмам про средневековье, чем обыкновенную столовую. Впечатление дополняют простые, грубо сколоченные столы со скамьями, выстроенные рядами у стен.

Перед тем как сесть за эти столы все мы прочитали хором молитвы «Отче наш» и «Богородице Дево, радуйся». Несмотря на то, что до начала Великого поста оставалось ещё два дня, мясное в монастырском рационе отсутствовало напрочь – только картофельно-капустный суп, оказавшийся, несмотря на постность, необыкновенно вкусным, гречка на второе и хлеб монастырской выпечки. Завершилась трапеза тоже молитвой, на сей раз благодарственной.

После того как мы насытились материальной пищей, настал черёд пищи духовной – наша паломническая группа отправилась на экскурсию по монастырю. Гидом у нас был интеллигентный молодой монах, которого звали так же, как небесного покровителя сей обители – отец Михаил. Он начал с рассказа об истории Свято-Михайло-Афонской Закубанской мужской общежительной пустыни – таково полное наименование этого места.

История эта весьма богата, и берёт своё начало ещё со времён Византийской империи и Тьмутараканского княжества. Это живописное уединённое место издавна облюбовали христианские отшельники и схимники – первые пещерные кельи здесь были вырыты ими ещё в VI веке. Но с течением времени регион всё более исламизировался, и к XIV веку на Кавказе остались лишь редкие последние очаги христианства, и те вскоре прекратили своё существование. Здесь как нельзя лучше пригодились подземные катакомбы и пещерные храмы, в которых последние средневековые христиане этих мест, подобно своим предшественникам времён Нерона и Диоклетиана, скрывались от своих гонителей.

Православие вернулось на эти земли лишь спустя полтысячелетия – в результате экспансии России на Кавказ. По окончании Кавказской войны, после заселения Кубани казаками, встал вопрос о создании в этих местах своего монастыря, ибо монашеские обители в те времена являлись важнейшей составляющей не только духовной и религиозной, но и социально-культурной жизни.

И в 1877 году монастырь, наконец, появился. Его основателем стал афонский монах отец Мартирий (в миру – Мартин Островых), вернувшийся ради этого подвига со Святой Горы на свою родину, в Россию, с несколькими своими братьями. Они принесли с собой так называемый афонский устав, по которому братия обители живёт до сих пор (а афонский устав – это вам не шутки, он является одним из самых суровых монашеских уставов и требует максимальной самоотдачи и полного посвящения себя «монашескому деланию»).

Новый монастырь был назван Свято-Михайловским в честь небесного покровителя великого князя Михаила Николаевича Романова, сына императора Николая I, принимавшего самое деятельное участие в создании монастыря и ставшего его ктиторм (меценатом и благотворителем).

За короткое время насельниками пустыни было возведено пять храмов, а помимо того – странноприимный дом, больница, а также два десятка корпусов-«общежитий» с кельями для

монахов и послушников. И уже через считанные годы Свято-Михайло-Афонская обитель стала крупнейшим монастырём на Кавказе и паломническим центром. Её ежегодно посещали более сотни тысяч паломников. Вторым, неофициальным названием обители было «Казачья лавра».

Но с 1917 года в России настали новые времена, ставшие для Свято-Михайловского монастыря не менее враждебными, чем XIV век для тогдашних насельников этого места. Архистратиг Михаил так и не смог защитить свою обитель, хотя когда-то поверг самого Люцифера. Большевистские комиссары оказались противниками серьёзнее и страшнее, чем Князь тьмы. И Казачья лавра разделила судьбу сотен других обителей и храмов – в двадцатых годах монахи были распущены, монастырь закрыт, а на его территории создан санаторий ГПУ. А в 1946 году, уже после Великой Отечественной войны, часть храмов на месте бывшей монашеской обители была взорвана, в том числе основной, самый большой из них – Успенский собор.

На этом месте я пришёл в некоторое недоумение. Нас же учат, что Сталин прекратил гонения на Церковь, открыл храмы, и после войны было сплошное церковное возрождение и благорастворение воздушных масс, вплоть до самой хрущёвской антирелигиозной кампании. И вот на тебе – разрушенный уже в 1946 году собор. Что-то здесь не вяжется. За разъяснениями я снова обратился к Дмитрию.

– Начнём с того, что после войны открывались только те храмы, которые не были перепрофилированы для других целей, – сказал Дмитрий. – Если здание бывшей церкви стало складом или клубом, то обратно в храм его не переделывали, таких прецедентов не было. А вот если стоит где-то заколоченная бесхозная церквушка, то её могли и вернуть. Тем более, если её уже открыли немцы во время оккупации.

В Михайло-Афонском монастыре здание взорванного собора было уже не храмом, и вероятно, оно просто мешало планам строительства чего-нибудь или же пришло в аварийное состояние. Тем более что специально, в целях борьбы с религией, храмы в то время, действительно, уже не взрывали.

– Какова же была причина такой перемены в отношении к православной Церкви?

– Конечно, Сталин не обратился как Савл, а просто понял во время войны, что религиозность народа – мощный резерв, за счёт которого можно многого достичь. Это во-первых. А во-вторых – наверное, сознавал, что если снова закроет храмы, открытые на оккупированных территориях, то не встретит понимания.

– А что можно сказать о легендах, широко распространённых в кругах сталинистов прохановского толка – о тайной воцерковлённости Сталина, облёте Москвы осенью 1941 года самолётом с чудотворным образом Богоматери на борту или визита вождя к старице Матроне, на тему чего есть даже неканоническая икона, и тому подобных?

– Я в это не верю. Теоретически возможно предположить, что Сталин, напившись «хвanchкары» с такими же бывшими семинаристами из ЦК, мог распевать «Иже херувимы», а потом сказать: «А ну-ка, везите меня к Матроне». Но о сколько-либо искренней его вере речи идти не может.

Что касается облёта с иконой Москвы, могу предположить, что какой-то благочестивый верующий из советских лётчиков взял с собой в боевой вылет иконку Казанской Божией матери и действительно облетел с ней столицу. Но уж никак не по приказу Сталина (что, впрочем, никак не умаляет самого этого действия). Сталинская эпоха – это не времена Ивана Калиты, все сколько-либо значительные события, тем более касающиеся руководства страны, задокументированы и сохранены для истории. Сохранились бы и документы, свидетельствующие о подобных приказах и распоряжениях. Но их нет. Есть только рассказы, передающиеся из уст в уста и публикации в маргинальных газетах.

Послевоенное церковное возрождение и то, что Сталин, действительно, стал относиться к Церкви более-менее терпимо, связано ещё и с позицией, занятой самой Церковью. Ведь некоторые зарубежные церковные иерархи поддерживали в войне Германию и Гитлера, думая,

что вот, наконец, он освободит Россию от безбожной власти. Что впоследствии осталось пятном на их репутации. А иерархи, оставшиеся в СССР на свободе и выпущенные из лагерей в 1942-1943 годах, были настроены в высшей мере патриотично. Не только на словах, но и на деле, собирая огромные средства на производство танков, самолётов и другую помощь фронту. Некоторые из них даже были награждены орденами, как, например, митрополит Ленинградский и будущий патриарх Алексий Сима́нский.

Кроме того, Сталин возродил уже другую Церковь, не ту, которую он до того уничтожил. От той, прежней Церкви осталось только название, Предание и преемственность рукоположения. А новая была страшно запугана и полностью лояльна существующему режиму.

Только в начале нового века то, что осталось от когда-то великого монастыря, было вновь передано Православной церкви. И вот возрождённая пустынь снова действует и принимает паломников.

Отец Михаил показал нам усыпальницу создателя монастыря, архимандрита Мартирия. С его мощами связана целая история. Отец Мартирий, ввиду зачастую свойственного многим христианским подвижникам самоуничтожения, считал себя настолько грешным человеком, что завещал похоронить свои останки под порогом Успенского собора, дабы все посетители храма попирали его прах ногами. Много лет спустя, после того как собор был взорван, местные жители выгребли из развалин всё, что могло представлять какую-либо ценность, а останки бывшего архимандрита просто выбросили, за ненадобностью. И они так и были бы утрачены, если бы не одна женщина, тайно захоронившая мощи подвижника на краю городского кладбища и указавшая то место, когда обитель начала восстанавливаться.

Отец Михаил провёл нас по всем монастырским храмам и вкратце рассказал их историю. В одном из них я увидел икону Николая Угодника из числа побывавших в космосе, на Международной космической станции, что подтверждает соответствующий сертификат.

Впрочем, помимо этой реликвии в обители имеются и другие, неизмеримо более почтенные. В частности – частички мощей святого Тихона Задонского, равноапостольной Марии Магдалины, великомученика Пантелеимона, Георгия Победоносца, Иоанна Крестителя, Феофана Затворника, Максима Грека, двенадцати Оптинских Старцев и многих других почитаемых святых, а также гордость монастыря – частичка Честного и Животворящего Креста Господня, другими словами – креста, на котором был распят Иисус Христос. Всё это богатство, во всяком случае, большая его часть, было привезено на Кавказ с Афона, ещё отцом Мартирием.

Но самой большой неожиданностью для меня было увидеть в стенах монастыря... палеонтологический музей! В специально отведённом для этого помещении собрано огромное количество окаменелостей времён мезозойской эры, когда территория современной Адыгеи была дном моря, в основном – раковины огромных морских моллюсков.

Тут я не удержался и спросил у отца Михаила, а как, собственно, окаменелости многомиллионлетней давности согласуются с библейским Шестодневом?

– Сказано, что у Господа один день как миллион лет, и миллион лет как один день, – улыбнулся в ответ отец Михаил. – Так что противоречия нет.

Посещение музея было заключительной частью экскурсии. После этого наш монастырский Вергилий оставил нас, и наша группа уже самостоятельно отправилась в направлении целебного источника, находящегося на склоне соседней горы Физиабго (что с языка адыгов переводится как «Злая женщина»), в 25 минутах ходьбы от монастыря, если верить указателям. Так ли это действительно – проверить не удалось, потому что наш путь к источнику получился весьма извилистым.

Сначала нашу группу в полном составе занесло в монастырскую блинную, где мы подкрепились перед восхождением вкуснейшими блинами с вареньем (даже я признал их кулинарные достоинства, хотя вообще-то блины не люблю), а затем мы решили свернуть в сторону пещер.

Рассказать про монастырские катакомбы ничего не могу, потому как там не был – отказался от экскурсии по причине клаустрофобии и остался у входа, полюбоваться в одиночестве горными красотами. Оказалось, что я такой не один – минуты через две из входа в пещеры появилась ещё одна женщина из нашей группы, со словами: «Не могу! Давит, воздуха не хватает, и с сердцем плохо». Жаль, конечно, но никогда не познать нам, клаустрофобам, привлекательности и эстетики древних подземелий.

По словам экскурсовода, раньше сеть подземных ходов была несравненно более широкой – они соединяли между собой все монастырские храмы, и даже выводили к соседнему казачьему посёлку, но сейчас доступна только небольшая их часть. Разумеется, сами ходы никуда не делись, они продолжают существовать, но входы в них замуровали после того как в подземельях пропали несколько воспитанников колонии для «трудных» подростков, открытой на территории монастыря после войны (имеется в богатой истории обители и такая страница).

Дальше наш путь лежал к смотровой площадке на вершине Физиабго, где стоит возрождённый храм Преображения Господня (тогда он ещё только строился), и открывается потрясающий вид на окрестности и далёкие, в голубой дымке, заснеженные вершины Кавказских гор. Правда, дойти до неё было делом не из лёгких. К концу восхождения «нас оставалось только трое из восемнадцати ребят» – до вершины добрались лишь наш организатор Светлана, я и ещё один из наших спутников, Павел. Остальные сошли с дистанции. Впрочем, впоследствии выяснилось, что существует и значительно более лёгкий маршрут. Но настоящие русские паломники трудностей не боятся и преград для них не существует.

И только спускаясь с вершины, по другому склону горы, мы, наконец, попали к изначальной цели нашего похода – источнику Святого Великомученика и Целителя Пантелеимона. Про этот источник рассказывают, что его воды помогают в исцелении от различных заболеваний, и даже дурных привычек. При источнике имеется купель, и кто-то из паломников как раз из неё выходил, так что у меня на секунду мелькнула мысль тоже окунуться. Но потом я рассудил, что купаться в первый день весны в воде, температура которой всего +4 градуса – значит искушать почём зря Господа, и от затеи отказался, благоразумно ограничившись простым умыванием.

После обеда, который являлся одновременно ужином (в монастыре принимают пищу только два раза в день), такого же постного, как и завтрак, состоялось вечернее богослужение. По его завершении, перед тем как отправиться восвояси, в паломничью гостиницу, я снова прошёлся по обители, пытаюсь запечатлеть в памяти эти храмы, деревья и влажный горный воздух, и зная, что ещё не раз вспомню эти места с ностальгией.

Наутро нас ждала ещё одна служба, после которой состоялся незапланированный нами крестный ход, завершившийся открытием на монастырской территории мемориальных досок, посвящённых уроженцам местных казачьих станиц, ставших полными георгиевскими кавалерами. На торжество съехались представители здешнего казачества при полном параде – в черкесах с газырями, опоясанные кинжалами.

После этой, «бонусной», части программы мы напоследок потрапезничали и отбыли обратно. Выехали, по случаю казачьего празднества, с большим опозданием, вследствие чего я оказался дома только в половине первого ночи и сразу от усталости свалился на диван, не добредя даже до душа.

март 2014

Паломничество третье. Предания поволжских степей

Наследие афонского странника

Из всех монастырей, где я побывал за время своих журналистских скитаний по святым местам, Гусёвский монастырь в Ольховском районе Волгоградской области показался мне самым уютным и «домашним» по своей атмосфере. Может, оттого, что он является женским, а прекрасный пол даже в своей монашеской ипостаси не теряет таких своих природных качеств, как хозяйственность и домовитость, а может, свою роль играет то обстоятельство, что монастырь этот стоит не надменно-обособленно, как большинство других, а находится в самой гуще жилых домов, и это накладывает отпечаток на образ жизни и быт его насельниц.

Гусёвский монастырь был основан в 1865 году и получил название в честь Ахтырской иконы Божией Матери. По преданию, икона эта была обретена в тридцатых годах XVIII века в малороссийском городке Ахтырке, чудесным образом. А именно – её, сияющую неземным светом, нашёл на покосе местный священник. И как только он приблизился и поднял образ с земли, на этом месте забил источник.

Смекнув, что всё это неспроста, священник забрал образ к себе домой. Икона действительно оказалась не простой, а чудотворной, она даровала обратившимся к ней исцеления от самых различных недугов, так что слава об обрётённом образе разошлась далеко за пределы Ахтырки. И достигла в итоге Священного Синода, который, после соответствующего расследования, в 1751 году, постановил «святую оную икону почитать за чудотворную».

Со временем Ахтырская икона стала очень почитаемой в народе по всей России, в том числе и в Поволжье. И вот однажды в поволжские земли, в Камышинский уезд, пришёл странник с Афона, бывший тульский крестьянин Илларион Яковлевич Двойченков, а ныне – схимонах Никодим. Он принёс с собой со Святой Горы один из многочисленных списков знаменитого образа.

Здесь, в городе Камышине, отец Никодим встретил камышинского священника Иоанна Левицкого, и тот поделился с афонским странником своей мечтой основать монастырь. Община насельниц будущей обители из тридцати женщин, желавших постричься в монахини, уже существовала. Схимник поддержал начинание священника и изъявил готовность тоже поучаствовать в таком богоугодном деле.

Однако будущие монахини решили, что Камышин – слишком большой и суетный город, и что уместнее было бы удалиться в какое-нибудь более спокойное и малолюдное местечко, где ничто не будет отвлекать их от служения Господу. Отец Иоанн с отцом Никодимом посчитали пожелания сестёр резонными и стали подыскивать подходящее для обители место. Выбор пал на слободу Гусёвка. По сходной цене здесь был приобретён участок земли и дом купца Николаева, ставший впоследствии «отправной точкой» для будущего монастыря.

Отцы-основатели пожертвовали все свои средства на устройство обители, но денег всё равно катастрофически не хватало, так что даже приходилось периодически закладывать и перезакладывать общинные земли. И вскоре только что созданный монастырь уже оказался на грани разорения и закрытия.

Вконец отчаявшись, отец Иоанн (его соратник, отец Никодим, к тому времени отправился в дальнейшие странствия, оставив обители на долгую память афонский список иконы Ахтырской Богоматери) решился на крайнюю меру – обратился за помощью в Оптину пустынь, к знаменитому монаху, чьё имя гремело тогда по всей России, старцу Амвросию Оптинскому.

Преподобный Амвросий – совершенно культовый персонаж российской истории. Не было тогда в стране человека авторитетнее, популярнее и харизматичнее, чем этот монах. Побеседовать со старцем и получить от него духовное напутствие приезжали толпы людей, в числе которых были великие князья, выдающиеся мыслители и писатели, ставшие впослед-

ствии классиками мировой литературы. Кстати, Амвросий Оптинский послужил прототипом старца Зосимы из «Братьев Карамазовых» Достоевского.

И отец Амвросий помог новорожденной обители, найдя для Гусёвского монастыря благотворительницу и отправив её в поволжские степи. Ей оказалась духовная дочь старца, московская аристократка Елизавета Николаевна Годейн.

Экскурсовод нашей паломнической группы Светлана рассказала нам трогательную историю этой незаурядной женщины. Елизавета Николаевна происходила из весьма богатой и знатной семьи. Её отец был генерал-майором, а мать, внучатая племянница героя Отечественной войны 1812 года Петра Багратиона – фрейлиной императрицы. Молодая дворянка получила отличное образование, знала шесть языков и считалась первой красавицей Москвы, одной из самых завидных невест. Девушке прочили самое блестящее будущее. Но сама она, говоря словами Евангелия, «избрала благую часть».

Вместо светской жизни, увеселений и поиска подходящей партии юная барышня молилась, постилась и усердно изучала духовную литературу. И, разумеется, Елизавета Николаевна была немало наслышана об Амвросии Оптинском. Самой большой её мечтой было лично побеседовать со знаменитым старцем и получить от него благословение с духовным напутствием. Впоследствии Елизавета Николаевна вступила в переписку с Амвросием. Уже тогда она писала ему, что молит Господа о том, чтобы он оторвал её от этого суетного мира.

Но не так представляли себе будущее своего чада родители девушки. Видя её пылкое увлечение религией, они не на шутку забеспокоились и решили отвлечь дочь от этой, как им казалось, блажи. Для этого её отправили в Европу.

Елизавета Николаевна провела там длительное время, но вернувшись домой, в Россию, снова взялась за старое и собралась в монастырь. Отец Амвросий в своих письмах в целом одобрял стремление духовной дочери посвятить себя Богу, но предостерегал от поспешности.

Вскоре почти одновременно умирают мать и сестра Елизаветы. А поскольку отец семейства скончался ещё раньше, девушка осталась совсем одна. По такому случаю она решилась в очередной раз попросить у своего духовного наставника благословения на уход от мира. Тем более что в это время Амвросием Оптинским создавалась Шамординская женская обитель в двенадцати километрах от Оптиной пустыни, и Елизавета Николаевна очень надеялась, став одной из её насельниц, провести остаток дней под крылом любимого наставника и учителя.

Но сбыться этим мечтам было не суждено. Когда Елизавета Николаевна оказалась, наконец, у духовного отца, то услышала от него одно лишь слово: «Гусёвочка».

И вот молодая утончённая аристократка, по которой когда-то вздыхали лучшие московские женихи, продаёт всё своё немалое имение, становится благотворительницей Гусёвского монастыря, и по слову отца Амвросия, оставив московскую роскошь и весь свой круг общения, уезжает сюда, в промозглые поволжские степи. Насовсем.

Здесь она выкупила все заложенные монастырские земли, построила каменный храм и возвела шесть корпусов для монахинь. При обители появились плодовый сад, насчитывающий более двух тысяч деревьев, кузня, кожевенное, маслобойное и ткаческое предприятия... На монастырь ушли все средства когда-то сказочно богатой дамы из высшего света.

Московские подруги и друзья-аристократы, с которыми Елизавета Николаевна продолжала общаться по переписке, так и не поняли причин и мотивов такого поступка, и даже делали поползновения вразумить «заблудшую» и вытащить её из «медвежьего угла». Но тщетно. Елизавета Годейн сделала свой выбор. Окончательно и бесповоротно.

Отец Амвросий до самой своей смерти в 1891 году переписывался со своей духовной дочерью, называя её в письмах «новой Лией» и сравнивая таким образом с библейской героиней, которая для христиан является образцом смирения. Он всячески заботился о Гусёвской обители, лично руководя её устройством из своей Оптиной пустыни. Таким образом, этот поволжский монастырь оказался настолько связан множеством незримых нитей с сердцем рус-

ского православия, что его прозвали в народе «Малая Опти́на». Он даже назывался так в некоторых документах.

«Ангел» Гусёвского монастыря покинула этот мир в декабре 1904 года, на 13 лет пережив своего любимого наставника. И столько же лет не дожив до Октябрьской революции, после которой монастырь, ставший делом всей её жизни, пришёл в запустение. В 1922 году он был закрыт фактически, а ещё четыре года спустя, в 1926 – упразднён официально. Всё имущество монастыря и все находившиеся в нём ценности были разграблены. Но икона Ахтырской Божией Матери, оставленная здесь когда-то афонским странником Никодимом, была спасена одним из местных жителей. Долгое время образ находился в доме его потомков, но сейчас драгоценная реликвия вернулась на своё место – в возрождённый главный храм Гусёвского монастыря, аккуратную краснокирпичную церковку.

Кстати, возрождать и восстанавливать практически с пустого места пришлось не только этот храм, но и почти все прочие монастырские сооружения. Единственная постройка, пережившая советскую эпоху – дом священника, в котором потом располагалась сельская школа, очень массивное и добротное здание, благодаря чему оно, вероятно, и «выжило». Всё остальное после 1996 года, когда комплекс был передан епархии, нужно было отстраивать заново.

В настоящее время восстановление завершено. Всё здесь необыкновенно ухоженно, чисто, аккуратно и, как я уже упоминал, погружено в атмосферу уюта. Такое ощущение, будто над этим местом разлита некая почти физически ощутимая аура умиротворённости и всерастворяющего покоя. Подобное впечатление, кстати, Гусёвская обитель оставляет не у одного только меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.